

УДК 394; 395

Н. А. Спешнев

ЮЖАНЕ И СЕВЕРЯНЕ (К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОПСИХОЛОГИИ КИТАЙЦЕВ)

Как известно, еще в глубокой древности, во времена Гиппократы, считалось, что на формирование менталитета значительное влияние оказывают климат и географическая среда, в которой находится индивид, живущий в том или ином ареале [1, с. 5]. Оставляя в стороне более существенные факторы, влияющие на становление статических компонентов психологии, например социальная сфера, этногенез, история, общность языка, культура, китайский исследователи (ученые, социологи, писатели и др.) не раз высказывались по поводу характера и особенностей поведения китайцев, проживающих в различных районах и городах страны. Указанная проблема отражена в нескольких достаточно объемных сборниках, насчитывающих более сотни статей [2; 3]. Иными словами, своеобразная речь, манера поведения, темперамент и многое другое связанное с понятие психологии характеризуют жителей не только отдельных провинций, но и крупных городов. Исследования или наблюдения китайских ученых, писателей или просто интересующихся этим вопросом помогают фиксировать особенности национального характера китайцев чуть ли не по уездам и городам. При этом нередко это может проявляться даже на сугубо бытовом уровне.

Считается, что условной границей между так называемым севером и югом Китая служит река Янцзы. Исторически так сложилось, что судьбы севера и юга складывались по-разному. Северные кочевые племена не раз вторгались на территорию Китая, завоевывали его, в результате чего возникали «два Китая»: захваченный север и мирный юг. Например, в истории Китая одновременно существовали две династии — Северная и Южная династии Сун и даже так называемая эпоха Северных и Южных династий. Таким образом, один из возможных подходов к рассмотрению отдельных черт национального менталитета представителей севера и юга Китая — историко-географический.

Для Китая характерен полный набор климатических типов, многообразие рельефа (морфоструктуры), своеобразный ландшафт. Площадь распространения китайской культуры не только огромна, такое многообразие климата и рельефа, обилие крупных рек редко можно встретить в мировой культуре. Горы, плоскогорье и холмистая местность занимают две трети территории, а треть — низины и равнины. Реки в Китае в основном текут с запада на восток. Это позволяло в древности без труда передвигаться именно в этом направлении, а контакты между югом и севером вызывали затруднение. Знаменитый Великий канал был прорыт именно для того, чтобы связать север с югом. Разнообразные климатические зоны: северный холодный пояс, субтропики, тропики — все это создавало благоприятные условия для устойчивого развития естественных богатств. Развитие Китая косвенно можно проследить по тому, как менялось местопо-

ложение столицы страны: Аньян (династия Инь, северная часть провинции Хэнань), Сиань (Чанъань, Западная Чжоу, с 1191 г. столица), Лоян (запад провинции Хэнань, приток реки Хуанхэ), Кайфэн (расположен на Юйдунской равнине, южнее реки Хуанхэ), Нанкин (провинция Цзянсу, нижнее течение реки Янцзы), Ханчжоу (провинция Чжэцзян), наконец, Пекин (провинция Хэбэй). Местоположение столиц менялось, как правило, с учетом естественных, а также исторических условий того времени.

Заметим, что существенные диалектные различия в китайском языке также можно объяснить особенностью географического фактора, определенной изоляцией отдельных районов, замкнутостью и, как следствие, различным направлением в историческом развитии региона, а в действительности — той или иной провинции страны.

Совершенно отдельная тема, которую любят затрагивать китайские наблюдатели, касается выявления (не без иронии) отдельных черт характера, нравов и обычаев, привычек мужчин и женщин, проживающих в том или ином регионе или городе. Существует немало каламбуров, связанных с нестандартным произношением у китайцев, живущих в провинции.

Как гласит легенда, мифические императоры древнего Китая Шэньнун и Хуанди были братьями, однако впоследствии стали непримиримыми врагами. В результате разразившегося сражения Шэньнун был вынужден бежать на юг. В связи с тем, что юг Китая богат всевозможной растительностью, возникла легенда о том, что Шэньнун стал крупнейшим знатоком трав. Его потомки — это и есть современные южане. Хуанди и его люди, в свою очередь, заняли территорию Центральной равнины, ее жители в дальнейшем стали северянами. Таким образом, возникло деление на северных и южных китайцев (ханьцев). Во времена монгольской династии Юань национальный состав страны подразделялся на четыре категории: монголов, людей с цветными глазами, т.е. европейцев, ханьцев и южан. Последние были, скорее, переселенцами, оказавшимися здесь еще во времена династии Южная Сун. Они хоть и считались ханьцами, но стояли рангом ниже.

Юг Китая богат плодородными землями, здесь существует развитое сельское хозяйство, да и климат этому благоприятствует. В древности это был богатый и процветающий край. Расположенное здесь княжество Чу было намного богаче, чем другие княжества. Во времена Северных и Южных династий юг был более развит, что и привело в дальнейшем к их объединению и образованию династии Сун. Экономика Южной Сун превосходила Ляо на севере, а Ляо, в свою очередь, превосходило более северных Цзинь, а те Монголию. Это не помешало северянам в дальнейшем постепенно покорить южные земли Китая.

Между тем нельзя сказать, чтобы юг был обездолен талантами. Наоборот, таланты проявлялись буквально во всех областях. Таковы национальные герои Китая Юэ Фэй, Вэнь Тяньсян, Ши Кэфа — все выходцы из южных районов страны. А предатели страны оказывались как раз на севере — Ши Цзинтан, Чжан Банчан, У Саньгуй. Однако в китайском языке известно выражение «отважные северяне», но нет такого словосочетания, как «южные удалцы». Да и огромным заблуждением является мнение, что гуандунцы — люди, обделенные культурными традициями. Даже когда речь заходит о литераторах, то и здесь среди выдающихся китайских писателей только один Лао Шэ северянин, остальные — южане.

Вполне очевидно, что рассуждения о тех или иных чертах характера жителей севера и юга не могут быть абсолютными. Различия могут быть в известной степени принципиальными, но чаще мы имеем дело с особенностями нравов и обычаев, привычек, при-

страстей. Скажем, китайцы обратили внимание и на главный продукт питания северян и южан. В первом случае это приверженность к мучным изделиям, во втором — к рису. Выясняется, что пища на севере более грубая. Замечено, что северяне любят обедаться и пить водку, есть пельмени. Южане же предпочитают почти прозрачные клецки с фаршем — хуньтунь, сваренные в простой воде. Можно продолжить: северяне любят чеснок, южане — лук. В провинции Хунань, например, приветствуется острая кухня (кстати, как отмечает один китайский исследователь, пришедшая из Перу). Но все это уже несколько другая тема.

Отмечено, что жители северо-востока упрямы и могут с легкостью утверждать, что черное — это белое, а мертвое — это живое, совершенно не интересуясь, поверите ли вы этому или нет. Любимое их словечко «ганьша» («чего», «что делаешь»). Автор приводит в качестве примера следующий диалог между двумя жителями северо-востока:

一个说: 你干啥? — Один говорит: ты чего?

那个说: 没干啥! — Тот отвечает: ничего.

没干啥你干啥? — Если ничего, то зачем?

干啥也不干啥! — Ничего и ничего.

干啥也不干啥你干啥? — Если ничего и ничего, то чего?

我说我没干啥就是没干啥你这是干啥? — Я сказал, что я ничего, значит ничего, а ты чего? [4, с. 137].

Действительно, на севере народ шумный — гонги да барабаны, юг предпочитает музыкальные драмы с грустью и вздохами. Северные женщины исполняют песенный героический сказ под аккомпанемент большого барабана, как это делают мужчины. Южане исполняют лирический сказ «пинтань» так, будто щебечут птицы, нежно и очень женственно. Отличаются здесь и инструменты музыкального сопровождения. Может, это связано с тем, что северяне относятся к монголоидам, а южане — к малайской группе.

Обратимся к китайским диалектам. Северный диалект имеет широкое распространение в стране, он красив в своем звучании. Медики отметили, что у жителей провинции Гуандун из-за обилия носовых звуков и импловивных согласных чаще встречается рак горла и носовой полости. В свое время в начале XX в. при выборе национального языка Сунь Ят-сен настоял на том, чтобы это был пекинский диалект как более благозвучный. Каждая провинция имеет свою характеристику и в афористическом плане.

Китайские авторы любят в шутку заметить, что северяне, как правило, ждут, когда южане что-нибудь придумают, чтобы потом присвоить это себе и пользоваться этим. И еще: северяне «сыты круглый день, беспечны и беззаботны». Южане же «весь день неразлучны и постоянно судачат о чем-то».

Ван Инци подсмотрел, что даже дождь на севере и юге идет по-разному. «Дождь на юге струится по-особому грустно, ласково-нежно, тонко-деликатно, продолжительно, подобно любви южной юной девы, стеснительно, чувственно, стыдливо-скрытно, заставляя людей вспомнить свирель и песни пастухов, весенние цветы и осеннюю луну, вспомнить источающую аромат душистого вина деревню Синхуацунь и скрытую в дымке далекие горы, деревеньки... Стоишь в широкой плетеной шляпе на древних каменных ступенях и наслаждаешься милостью тонких дождевых нитей. Ты любишь и наслаждаешься ими и не чувствуешь, что идет дождь. Такое забыть нельзя.

Дождь на севере льет без лишних эмоций, прямолинейно, чуть под хмельком, грубовато. Он открыт и подобен чувствам северного юноши — горяч, как пламя, доброже-

лателен, легок и свободен, заставляет вспомнить мелодичные звуки ударов в колокол, воинов на конях и в колесницах, вспомнить высокогорье и просторы, а также кукурузу, подобную горам, и подобный огню красный гаолян... Стоишь босиком под слабым и бессильным пестрым зонтом и встречаешь как крещение, которое совершает этот льющийся как из ведра поток воды. Это совершенно невероятное удовольствие, которое заодно очищает душу, и оно и по сей день заставляет постоянно вспоминать о нем. Север и юг как брат и сестра» [5, с. 19].

Интересно и мнение южан и северян друг о друге. Так, ачэны (так северяне называют южан), проживающие в Харбине, говоря о местных мужчинах, отмечают их вспыльчивость. Как говорится, чуть что — и сразу кулаки. Действительно, в критических ситуациях мужчины на севере предпочитают действовать кулаками (необъятные просторы, есть, где разгуляться и дать волю кулакам). У южан же в ход идут ноги (узкие тропинки, горная местность, ногами действовать удобней).

Северяне считают южан людьми мягкотелыми: ругались полчаса, собрали толпу и разошлись с миром. Автор считает, что нельзя мягкотелость распространять на всех южан. Так, хунаньцы — люди воинственного нрава. Не случайно их набирали в армию. Существует даже поговорка: «Нет такого хунаньца, который бы не мог стать воином». Это относится и к жителям Гуанси. Самые двужильные мужчины живут как раз в Гуйлине.

Когда же речь заходит о жителях южнее реки Янцзы (цзянсижэнь), то чаще всего возникает образ книжника-ученого (шу шэн). Генералов эти места не рождали. Тут мужчины мало расчетливы и не гонятся за выгодой. Им в целом все равно. До да-ди ши — подумаешь, дела, велико дело. В молодых людях царит какое-то ребячество. В безмятежном характере, залихватстве интеллигента, которые передалось от предков, нет чувства горести по чему-либо. Им все равно, что их называют «да лобо» (большая редька). Если все нанкинцы как дети, то мужчины — это большие дети. Любимое их ругательство: «в мозгах дерьмо» (наоцзы-ли ю ши). В то время, когда в крупных городах китайцы изо всех сил стараются заработать деньги, нанкинец будет, не торопясь, ехать на велосипеде, даже не задумываясь, что может куда-то опоздать. На часы смотреть не будет, и ничто не воспринимает всерьез. Это люди настроения. Пострадал, ну и бог с ним.

Особое внимание ряда авторов приковано к описанию характера и поведения китайских женщин того или иного района Китая. В книге Фан Фан, Е Чжаоянь и др. под названием «Поговорим о китайцах» [6] есть несколько статей, в которых авторы рассуждают об особенностях характера китайских женщин, живущих в различных районах, провинциях и городах Китая. Большинство авторов увязывают различия в характере с особенностями географического положения, историей и традициями данного ареала. В этом смысле книге вторит и двухтомное издание сборника под общим названием «Северяне и южане» [2], куда включены статьи различных авторов, от Лу Синя до Цзя Пинва. В статьях (а их около восьмидесяти) описываются черты характера китайцев, проживающих в разных регионах и городах страны. В отличие от первой книги здесь временные пределы значительно шире, ибо приведенные статьи относятся к различным годам XX в. Это позволяет проследить параллельно и динамические компоненты китайского характера. Примерно в том же духе составлен сборник статей (их 46) под общим названием «Китайцы Востока, Запада, Юга и Севера» (Харбин, 2006). Как видно, данная тема продолжает интересовать исследователей.

Китайский исследователь Ай Юнь также привязывает географические условия к формированию характера женщин севера и юга [6, с. 61–72]. Южанки спокойные и сла-

бые, нежные, женственные в своем большинстве. Их можно сразу распознать по белизне кожи, изящной фигуре, изысканной речи, радостной, оптимистичной эстетической нотке. Их образ отражает семейный уют и порядок. Это посланцы мира, символ мира и благоденствия в танце и песне. Они заставляют думать о гармонии и покое, как белые воркующие голубки. Покорность и послушность, естественность и непринужденность усыпляют мужчин в сонном блаженстве.

Северянки более открыты, душевны, резковаты. Правда, их натура не лежит на поверхности. Чтобы их понять, нужно сначала проникнуть к ним в душу, где могут бушевать бури и в то же время царить умиротворенность, мечты и надежды. Они готовы идти на жертвы во имя высокой любви. Это женщины, которые являются опорой мужчин в их деле и достижении карьеры. И любовь их проверяется в трудные минуты. Они могут постоять за себя, снисходительны и готовы терпеть. Их не сковывают никакие строгие правила.

Юг подобен воде, дождю, сну, стихам и живописи. Южанки на все отвечают улыбкой. Они радуются тому, что дала им жизнь. Они это берегут, следят за мужем, устраивают свое уютное гнездышко. Поэтому в браке они требуют спокойствия и равновесия, стабильности, гармонии. Они тщательны в выборе, рассчитывая на единственный брак, рассматривая его как святое дело, и потому поддерживают и охраняют устоявшийся образ жизни, который можно отнести к так называемому упорядоченному типу.

На севере в условиях холодной зимы у людей в поступках и мыслях проявляется некая строгость. Они под воздействием холодного ветра нередко впадают в уныние. В отличие от южанок, предпочитающих короткие напевы, северянки любят петь длинные протяжные песни. Северянки легко впадают в крайности и у них весьма противоречивый характер, который играет немаловажную роль в выборе женихов. Мужчины в общении с ними просто не находят себе покоя, не зная, как себя в данной ситуации вести. Тем не менее северянки, поняв, что перед ними настоящий друг, отдают себя полностью этой дружбе. Южанки предпочитают держаться от людей на некотором расстоянии. Они, как правило, далеки от политики и социальных проблем. А вот северянки если и не участвуют сами в политике, то ею интересуются.

Авторы книги рассуждают и о характерных особенностях женской натуры китайок. И здесь север и юг в известной мере противопоставлены друг другу. Из просмотренного материала можно сделать следующий вывод: при примате привязанности и «второстепенности» любви человеческие качества китайок, их характер во многом повторяет известные черты европейских женщин, сохраняя при этом особенности чисто национальные. Однако и здесь мы наблюдаем некий стереотип в их поведении.

Несколько слов о нанкинских мужчинах и женщинах. Первых отличает разболтанность и нерадивость, расхлябанность и склонность делать все спустя рукава. Любовь бить баклуши — вот что характерно для нанкинских мужчин. Им даже наплевать, как они выглядят в глазах окружающих.

Женщины, живущие в южной части провинции Цзянсу, считают их неотесанными простаками и даже немного дикарями. Возможно, это происходит от того, что они сравнивают их с теми мужчинами, которые живут в той же части провинции, что и они сами. А те по натуре ласковые и нежные.

Нанкинец редко выбирает себе жену из других мест. А не местные невесты редко ищут женихов среди настоящих нанкинцев, которые не котируются, да и не Дон Жуаны они вовсе. Невесты из южных районов провинции и не местные (из других районов) — это разные вещи.

Нанкинским же женщинам все ни по чем. По сравнению с мужчинами они держатся более свободно и даже с изяществом. Привлекательность нанкинок состоит именно в этом. Они «осмеливаются» наводить на себя красоту. Слово «осмеливаются» (не боятся) подчеркивает их характер. Это, правда, своеобразная и нередко достаточно «глупая» смелость. Никто в Китае не одевается так безвкусно (дуань чуань ифу), как нанкинки. В этом их талисман достижения успеха. Главное для них осмелиться, и здесь табу не существует, важно попробовать. Во времена, когда в моде были лосины, их часто можно было увидеть на коротких толстеньких ногах нанкинок. Порой создается впечатление, что они от природы созданы для того, чтобы удивлять. В холодную погоду они ходят в короткой юбке, а в жаркую — в кожаном пиджаке. Им наплевать, что по этому поводу думают другие. Как мы видим, определенный стереотип поведения китаянок здесь явно нарушен. Тем не менее они могут стать не только хорошими женами, матерями, но и добрыми друзьями. Они откровенны в своих поступках, открыты и не таят ничего дурного, а если и захотят кому-нибудь насолить, то совсем немного. В целом нужно сказать, что у них не хватает традиционной скромности, стеснительности и сдержанности. Не хватает у них и чувства юмора. Нанкинка не будет сокрушаться, что муж мало зарабатывает, и не будет ворчать и побуждать его стать чиновником. А если она и станет богатой госпожой, то характер ее от этого мало изменится.

Нанькинцы чтут и уважают своих предков. Трудно представить себе брошенного старика, о котором никто не заботится. Но сами южане считают, что в поступках им недостает энергии и задора, свойственных северянам.

Женщины в провинции Шэньси красивы, умны и внутренне совершенны (нэй сю). Мужчины медлительны, нелюдимы, холодны, упрямы и несговорчивы. Однако в душе они радушны, с дурным характером, но справедливы, при решении проблемы готовы на все и имеют прозвище «гуань си да хань» («молодцы к западу от заставы»).

Женщины, наоборот, мягки и нежны, степенны на вид и добродетельны. Умеют обласкать мужчину, но в то же время стоят за спиной его успехов. С древнейших времен их красоту воспевали поэты. Среди четырех самых известных красавиц древности одна была из северных районов провинции Шэньси. Это знаменитая Дяо Чань (другие: Си Ши, Чжао Фэйянь и Ян Гуйфэй). Мнение, что удел женщины — это шитье, уход за женщиной и рождение детей, опровергают исторические факты. Женщина-историк Бань Чжао помогала своему отцу Бань Гу писать историю династии Хань «Хань шу», а Сюэ Тао прекрасно играла на цитре, в шахматы, была каллиграфом и художником. Были и герои, например жена известного сунского генерала Хань Шичжуна Лян Хунъюй, которая воевала против Цзиней [7, с. 418].

Шэньсийские женщины в целом мало отличаются от северянок. Однако подчеркивается, что они умеют терпеть лишения. Ведь все домашние дела лежат на них. Они рукастые, подвержены вдохновению. Многие народные виды искусства созданы именно ими. Особенно это касается различного рода плетений («Дунху лю, ньюжэнь шоу»). Любовь у шэньсийских женщин глубокая и неприметная. Что бы они ни делали — учились, работали в поле, ходили на ярмарку, к родственникам, встречались с однокашниками, занимались общественной работой — всюду они это делают легко и свободно. Любовь свою они стремятся не показывать. Они сошьют жениху туфли, вышивку сделают на кошельке, чтобы не на словах, а не деле выразить ему свои чувства. Городские девушки ведут себя свободнее, но все равно стараются скрывать свои чувства. Если уж полюбили они кого-то, то на всю жизнь. Любовь шэньсийских девушек окрашена в народные

традиции. Жительницы гор еще прелестнее, чем те, кто живет на равнине. Их отличает чистота и непосредственность, естественная живость и здоровая красота. Это не тонкая талия, подобная ивовой ветви, и не ротик вишенкой, и не утонченная хрупкость, т.е. не проявления внешней красоты. В деревне девушки украшают голову белым или черным платком или белой шапочкой, как у медсестры. Молодежь же тяготеет к городу, поэтому и талию выделяют и лосины наденут, т.е. стремятся подражать моде Шанхая и Гуанчжоу.

Шаньдунские девушки изящны, привлекательны, просты и добры. Из недостатков: любят приврать, как и мужчины провинции. По характеру они похожи на шаньдунских мужчин, т.е. щедры, горячи, храбры и трудолюбивы, могут терпеть. Обладают они и всеми хорошими женскими качествами. Кстати, и на кухне могут показать класс.

Девушки северо-востока предельно искренние и прямые в общении. Если уж любит, то любит; если ненавидит, то ненавидит. Дружить с такими девушками — самое надежное дело. Ничего от нее не сокрыто, все на виду, нет секретов и в характере. У них горячий, романтический, прямой, открытый, живой и отзывчивый характер. Они доброжелательны. Их отличает смелость и ум. Поговорил с ними — и все становится сразу ясным, как дунбэйская погода. Отношения с ними как с друзьями, поэтому можно, если нужно, прямо друг друга раскритиковать, и никто не обидится только потому, что это друзья.

В глазах иностранцев (по литературе и живописи) образ китайской женщины больше ассоциируется с мягким нежным существом, изящным и скромным, слабым и немногословным. Она как бы противопоставлена мужчине и оттеняет его героический дух. На самом деле такое мнение вызвано неким стереотипом восприятия. На северо-востоке, например, можно встретить немало девушек и женщин с открытой душой, эдакие хохотушки, естественные и прямые в своих речах. Климатические условия на севере таковы, что короткое лето заставляет их быть летом нарядными, яркими и пестрыми. Возможно, считает автор, это влияние русских, в особенности в Харбине. В других местах такая одежда была бы слишком броской, а в Харбине пестрота нормальна. Они, возможно, не самые лучшие женщины в Китае, но зато самые преданные, самые искренние, самые благодущные и снисходительные, самые удалые.

Ай Юн пишет, что шанхайки придают особый колорит этому городу. «Когда вы видите северо-восточных женщин с их размахом, необузданной натурой, северо-западных с их скрытностью, волей, терпением, периферийных с их удалью, равнинных с пьянящей жизнерадостностью, то в Шанхае вы почувствуете в их поведении благовоспитанную изысканность и корректность. С древнейших времен в Шанхае рождались красавицы. Красота их прежде всего в их внешности. Речь их напоминает пение иволги. Они постоянно заняты, у них нет времени смотреть телевизор, тем не менее они успевают следить за собой» [8, с. 250]. В современном Китае не без влияния времени, связанного с бурно развивающейся экономикой в особых экономических зонах, девушки стремятся не отставать от моды, гоняются за новизной и иным стилем жизни. У женщин Шанхая, воспитанных на иных культурных традициях, выработался свой, особый характер, глубинная красота, которую не приобрести за короткий срок. Они прекрасно готовят, что привлекает мужчин. На фоне «большегоных» и «большеруких» северянок они выделяются своей утонченной красотой. Они миниатюрны, грациозны и изящны.

По известным трем параметрам женской фигуры (сань вэй — три обхвата) студентки Шаньсийского университета, несомненно, превосходят девушек шанхайских уни-

верситетов. Причина — питание. Они не любят тусовок и не стремятся к переменам. Серьезно и осторожно относятся к браку, как ласточки, кропотливо выют гнездышко, берегут мужчин, ходят с ними под ручку и расстаются с неохотой. Лу Синь еще в 1933 г. в статье «Шанхайские девушки» выражала опасение по поводу того, что шанхайские девушки подошли к опасной черте — они стали раньше созревать. Лу Синь ссылается на Ф.К. Сологуба, у которого есть такая фраза: «Еще ребенок, а глаза как у взрослого» [9, с. 244]

Шанхайцы за пределами своего города чувствуют себя неуютно. Это касается и тех, кто приезжает в Шанхай. В Китае вроде без Шанхая нельзя, но шанхайцев все недолюбливают. Друзей там лучше не заводить. Горожане там снисходительно относятся к деревенским. Не язык мешает понять шанхайца и не его внешность, а невозможность ощутить шанхайскую «цивилизацию».

Можно выделить четыре характерные черты предприимчивости шанхайского мужчины: расчетливость, свой оригинальный путь, гибкость в развитии собственных достоинства, феминизация характера. А у шанхайских женщин стало больше янских (мужских) черт. Вот почему мужчины и женщины Шанхая друг с другом легко находят общий язык. Удивляет их единство, и это только в Шанхае. Если в Гуанчжоу говорят, что жених местный, а невеста из других мест, то в Шанхае такое невозможно, разве что невеста из Пекина. По поводу расчетливости шанхайцев существует шутка. Шанхаец торговался с продавцом яблок. Яблоки по 3 юаня за фунт он сторговал за 2.80. А положил на весы одно единственное яблоко, которое выбирал целых полчаса.

Хэнаньцы, когда согласны, на все отвечают «чжун». Они сознательны и с детства знают, что такое «наверху». Если есть указания «сверху», хэнаньцы никогда не будут протестовать и даже вникать в суть вопроса. В подсознании у них уже заложен стереотип: команда «сверху» как указ императора. Если сверху говорят, что петух может нести яйца, то хэнанец тут же скажет, что сам видел. Потому можно ничего не брать в голову. Своеобразное коллективное бессознательное явление. Возможно, что из-за своей доверчивости хэнаньцы частенько попадают впросак.

Как говорят не без самоиронии хэнаньцы, у нас в провинции легко заниматься спортом, но не производством. Напомним, что знаменитый храм Шаолиньсы — мекка восточных единоборств — находится именно в провинции Хэнань. Так повелось, что к хэнаньцам принято относиться снисходительно. Кстати, слово «спасибо» в их устах — явление редкое. Как говорится, благодарность свою они стараются выражать невербальным способом — улыбкой, рукопожатием, угощением.

Отличительные характеристики можно встретить и у жителей конкретных крупных городов. Например, жители г. Лояна по характеру и психике уравновешены и в какой-то степени даже консервативны. В народе говорят, что они скорее будут умирать с голоду, а просить милостыню не станут. И ни за что не пойдут жаловаться. У них есть свои причуды: готовы не пить, не есть, не обращать внимания на свою одежду, дай только возможность что-нибудь строить. А жители города Ухань — главного города провинции Хубэй — отличаются плохим характером, резки в речи, любят спорить, готовы в любой момент подраться. Их грубоватость в поведении нередко пугает жителей других провинций. Они предприимчивы, мудры и щедры. Всегда первыми придут на помощь, в особенности если это друг. Их отличает искренность. В отличие от жителей Чэнду — главного города провинции Сычуань — жители г. Чунцина более горячи и прямы. Несмотря на гористую местность, велосипедисты, даже люди пожилого возра-

ста, готовы погоняться на скорость. Шуточных характеристик и здесь хватает. Например, отмечено, что в Чунцине таксисты не любят давать сдачу.

О хэнаньцах, к сожалению, существует предвзятое мнение. Если произошло что-нибудь плохое, все кивают на хэнаньцев. У северян для них даже имеется уничижительное прозвище: «хэнаньские жулики». Считается, что у них мало цин (душевности) и ли (силы). В любом деле они полагаются на кого-то, а в случае неудачи ищут на кого бы свалить, разными способами пытаются принизить или негативно отнестись к тем, кого считают ниже себя.

В провинции Хунань свои особенности. Жители провинции любят похвастать, в особенности большим числом земляков-именитых персон. Это политические лидеры страны Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, Чжу Жунцзи, художник Ци Байши, драматург Тянь Хань, композитор Тянь Дунь, писатели Дин Лин, Шэнь Цунвэнь, Хань Шаогун, многие певцы, артисты, спортсмены. Тут есть и консерваторы Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан, Пэн Юйлинь, новаторы типа Тянь Сытуна и революционеры Хуан Син, Сун Цзяожэнь. В новой истории Китая революционерами были гуандунцы, чжэцзянцы давали деньги, а хунаньцы проливали кровь. Автор книги отмечает ряд особенностей в характере жителей этой провинции. Они трудолюбивы и предпочитают заниматься конкретным делом. Их отличает настойчивость, стойкость и непреклонность в достижении цели и даже некоторое упрямство. Они самостоятельны и независимы, верят в себя; всегда готовы прийти на помощь. Стремятся к учебе. Хунаньцы горды, патриоты своей малой родины, страдают ностальгией.

Общепризнано, что жители провинции Чжэцзян хорошие бизнесмены [10]. Основная их черта — деловитость и умение зарабатывать деньги, так сказать, наличие коммерческой жилки. Свидетельство тому успехи, достигнутые ими в последние годы. По Форбсу, из 50 самых богатых людей Китая девять — это чжэцзянцы. Большинство из успешных бизнесменов — бывшие крестьяне, сапожники, портные, разнорабочие, которые до начала своей коммерческой деятельности ничего не имели за душой и не являлись продолжателями кем-то начатого дела.

Известный экономист Лян Сяопин считает, что главное их преимущество — в душевном настрое. В Китае провинция Чжэцзян считается кузницей «лаобаней», так называют управленцев предприятий, владельцев магазинов и ресторанов, хозяев мелких лавочек. Существует даже такое выражение, как «дух четырех тысяч». Это означает, что перед тем, как начать свое дело, они, будущие бизнесмены и предприниматели, «прошли тысячи гор и рек, испытали тысячи бед и страданий, потратили тысячи слов, придумали тысячи способов и приемов», чтобы добиться успеха. За свою предприимчивость они даже получили от сторонних наблюдателей прозвище «восточные евреи». При незначительной территории самой провинции и большой численности населения им приходилось нередко покидать родные места в поисках работы. И везде они добивались успеха. И неудивительно. Еще с древнейших времен чжэцзянцы занимались торговлей. Говорят, что куда бы ни попал чжэцзянец, он на новом месте сажает дерево, подчеркивая твердость и серьезность своих намерений.

Чжэцзянские бизнесмены отличаются творческим духом и умением работать, готовы при этом, если понадобится, терпеть лишения. Они не боятся рисковать, честны и умеют держать слово; признают и исправляют собственные ошибки и снисходительны при этом к ошибкам других. Они уходят с головой в работу, любят свое дело, их отличает дух сотрудничества. Они в своей среде не занимаются интригами, которые в китай-

ском языке образно именуется как «воли доу» («сражаться внутри норы»). Они ищут рынок, заполняя существующие лакуны, и умеют конкурировать, стремясь к собственной выгоде, не забывая интересов партнера. Их отличает передовой и высокоэффективный научный дух и ответственность за свою продукцию, иными словами, берегут честь своей марки.

В отличие от чжэцзянцев мужчины из провинции Шэньси относятся к бизнесу без энтузиазма. Они отягощены представлениями и грузом традиционной культуры, с трудом готовы что-либо предпринимать и скорее будут завидовать, чем действовать. И это при том, что в прошлом они считались хорошими торговцами.

Китайские исследователи частенько любят сравнивать те или иные качества людей, живущих в разных провинциях. При этом, как правило, не в пользу одной из них. Ниже мы приводим пример такого сопоставления, где показано, как человеческий фактор мешает развиваться жителям провинции Шэньси. Вот некоторые отличия между выше упомянутыми чжэцзянцами и шэньсийцами [11, с. 291–293]. Кстати, такой пронумерованный перечень крайне характерен для китайского менталитета: предельная конкретность, а не общие рассуждения.

1. Чжэцзянцы работают и учатся. Шэньсийцы учатся ради учебы.
  2. Чжэцзянцы работают для того, чтобы развиваться дальше. Шэньсийцы работают ради почета.
  3. Чжэцзянцы начинают с малого. Шэньсийцы мечтают о крупном, не опускаясь до малого.
  4. Чжэцзянцы не боятся идти туда, куда глаза глядят. Шэньсийцы предпочитают сидеть дома и никуда не ходить.
  5. Там, где первые идут напролом, последние предпочитают отсиживаться.
  6. Первые, разбив пиалу, берут глиняную; вторые берут золотую.
  7. Первые инициативны, склонны к риску и выходят на международный рынок, масштабны, дальновидны; вторые обладают мелкомасштабным мышлением, боятся хаоса, стремятся к равновесию.
  8. Весь день думают о чем-то; думают о людях, сплетничают.
  9. Делают, а не говорят; говорят, а не делают.
  10. Интересуются экономическими проблемами; интересуются взаимоотношениями людей.
  11. Строят дорогу, собрав деньги; просят дотацию у государства.
  12. Общаются с торговцами; общаются с начальством.
  13. Имеющих деньги — уважают; богатых презирают.
  14. Разбогатеть рассчитывают за счет торговли; полагаются на волю императора.
- Перечень можно и продолжить: у автора приводятся тридцать три позиции.

Настоящая статья, используя лишь незначительную часть опубликованных в Китае материалов, призвана продемонстрировать, насколько внимательно китайская общественность фиксирует подчас незначительные, казалось бы, нюансы и тонкости поведения своих соотечественников, проживающих на огромной территории страны. Естественно, что каждый этнофор помимо тех черт характера, свойственных нации в целом, обладает и собственным «набором» качеств. Тем не менее, как свидетельствуют приведенные выше факты, выясняется, что при всей важности и значимости социально-исторических и культурологических факторов, особенностей этнического

сознания при рассмотрении национальных отличий этнопсихологии китайцев никак нельзя обойти крупные ареалы и микрзоны. Именно там в силу особых исторических обстоятельств формировались этнические группы со своим специфическим взглядом на окружающий мир, своим набором ценностей, своими представлениями об идеалах, позволившими впоследствии обобщить материал и нарисовать портрет современного китайца.

Литература

1. *Бороноев А. О.* Европейские философы о психологии народов // Введение в этническую психологию. СПб., 1995. 198 с.
2. Бэй жэнь юй нань жэнь (Северяне и южане): в 2 т. Пекин, 1997.
3. *Чжао Умянь, Юй Цююй, Чэн Лимэй и др.* Дун си нань бэй чжунгожэнь (Восточные, западные, южные и северные китайцы). Харбин, 2006. 404 с.
4. *Чэн Лимэй.* Дунбэйжэнь (Люди Северо-востока) // Чжао Умянь, Юй Цююй, Чэн Лимэй и др. Дун си нань бэй чжунгожэнь (Восточные, западные, южные и северные китайцы). Харбин, 2006. 404 с.
5. *Ван Инци.* Наньфан-де юй хэ бэйфан-де юй (Дождь на юге и дождь на севере) // Чжао Умянь, Юй Цююй, Чэн Лимэй и др. Дун си нань бэй чжунгожэнь Восточные, западные, южные и северные китайцы). Харбин, 2006. 404 с.
6. *Фан Фан, Е Чжаоянь и др.* Сяньхуа чжунгожэнь (Поговорим о китайцах). Пекин, 2000. 529 с.
7. *Ай Юнь.* Наньфан нюйжэнь юй бэйфан нюйжэнь (Женщины юга и женщины севера) // Бэйжэнь юй наньжэнь (Северяне и южане): в 2 т. Пекин. 1997. Т. 1. 428 с.
8. *Ай Юнь.* Шанхай нюйжэнь (Женщины Шанхая) // Бэйжэнь юй наньжэнь (Северяне и южане): в 2 т. Пекин. 1997. Т. 1. 428 с.
9. *Лу Синь.* Шанхай-ды шаонюй (Шанхайские девушки) // Шэнбао юэкань: Ежемесячник. 1933. Т. 2. № 9.
10. *Гао Чжимин.* Кэпа-ды чжэцзянжэнь (Эти страшные чжэцзянцы). Пекин, 2007. 288 с.
11. *Ян Юншань.* Шэньсигэнь чжэцзянжэнь-де 33 бу чжи ча (33 различия между шэнсийцами и чжэцзянцами) // Дун си нань бэй чжунгожэнь (Восточные, западные, южные и северные китайцы). Харбин, 2006. 404 с.